

Дневник Михаила Булгакова и практики субъектности «советского писателя»

Дневник М.А. Булгакова «Под пятой»¹ представляет собой ключевой документ для исследования ценностных приоритетов и мотивации писателя в первой половине 1920-х гг. Дневник затрагивает одну из интимных, пожалуй, самую интимную сторону его автора. Подобная письменная практика, в рамках которой с разной степенью периодичности Булгаков фиксировал и комментировал перипетии собственного жизненного сюжета, близка к тому, что Мишель Фуко называет практиками «заботы о себе»². Обратившись к различным, в том числе архивным источникам³, мы проанализируем, как в языке и дневниковом письме «технологии себя» пересекались с вниманием органов власти к писателю⁴,

---

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

¹ В статье рассматривается комплекс дневниковых записей М.А. Булгакова и связанных с ними документов, опубликованных в 2019 – 2020 гг. на портале «Автограф. XX век»: «Под пятой». Дневник М.А. Булгакова. 24 мая 1923 г. – 13 декабря 1925 г. Негатив (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 1); «Под Пятой». Дневник М.А. Булгакова. 24 мая 1923 г. – 13 декабря 1925 г. Машинопись. (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 2); «Заявление М.А. Булгакова в Наркомпрос с просьбой о возвращении ему дневника, изъятого при обыске ГПУ». Фотокопия (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 22); «Заявление М.А. Булгакова в ОГПУ с просьбой вернуть ему повесть “Собачье сердце” и дневник, изъятые при обыске» (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 18). См.: Автограф. XX век [Электронный ресурс] URL: <http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/digital-archive/dnevnik> Дата обращения: 31.10.2023 г.

² Фуко М. Культура себя // История сексуальности, Т. 3. Забота о себе. Москва: Рефл-бук, 1998. С. 45-77.

³ Судьба архивного наследия М.А. Булгакова практически с момента передачи на постоянное государственное хранение в ГАФ СССР (ГАФ РФ) до настоящего времени вызывает бурную полемику его исследователей. В этой связи особенное значение имеют работы Л.М. Яновской [17], С.В. Житомирской [3] и М.О. Чудаковой [16]. Также сведения о «театральном» архиве М.А. Булгакова в НИОР РГБ, РО ИРЛИ РАН, ОР РНБ и РГАЛИ и пьесе «Дни Турбиных» приведены в статьях М.В. Мишуровской [6], Я.С. Лурье [5], Е.Н. Пенской [9] и К.Н. Кириленко[4].

⁴ Комплекс материалов ОГПУ (НКВД) о наблюдении и допросах М.А. Булгакова: «Агентурные сводки о наблюдении за М.А. Булгаковым». 9 марта 1925 г. – 22.12. 1936 г. Фотокопия. (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 27); «Ордер ОГПУ на производство обыска у М.А. Булгакова и протокол обыска». Фотокопия (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 17); «Протокол допроса М.А. Булгакова ОГПУ». 22 сентября 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 22); «Показания М.А. Булгакова на допросе в ОГПУ». 22 сентября 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 20). См.:

формируя хронотоп жизни Булгакова – его взгляды на политическую, социальную ситуацию и городское пространство.

В работах А. Л. Зорина⁵ и И. А. Паперно⁶ представлен анализ того, как субъект производит себя в рамках текстуальных практик, в том числе в рамках дневника. Анализа письменного языка А. Тургенева позволил А. Л. Зорину проследить характерные для главного героя данного исследования эмоциональные матрицы, почерпнутые им из интеллектуальной культуры своего времени. Использованное автором понятие «эмоциональной матрицы»⁷ в некоторой степени противопоставляется им концепту «эмоционального режима», предложенного У. Редди⁸. Последнее понятие предполагает обращение к политическому контексту и взаимодействию с фигурой власти, делая акцент на диалектике между устанавливаемыми «эмоциональными режимами» и «эмоциональными убежищами», тогда как Зорину было важно показать как господствующие в культуре интеллектуальные нарративы воспринимаются как в виде читателя, так и фигурой автора. Схожую, но в несколько трансформированном виде идею представляет в своем исследовании И. Паперно, анализируя практики перехода эмпирического опыта в текст, становящийся одним из ключевых для интеллектуального сообщества.

Мы, в свою очередь, в большей степени ориентируемся на подход, заявленный А. Л. Зориным, так как нам важно показать сцепку между теоретическим инструментарием истории эмоций и концепциями производства субъектности. Безусловно, необходимо отметить различие между рассматриваемыми источниками, так как А. Л. Зорин анализирует дневниковые записи дворянина Андрея Тургенева конца XVIII в., тогда как дневник, рассматриваемый нами был создан в первой половине 1920-х гг. Его автор находился в совершенно ином социокультурном, политическом контекстах, поэтому концепт эмоционального режима оказывается более продуктивным, так как М. Булгаков, чей дневник будет

Автограф. XX век [Электронный ресурс] URL: <http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/digital-archive/dnevniki> Дата обращения: 31.10.2023 г.

⁵ Зорин А. Л. «Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века». Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 356 с.

⁶ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

⁷ Зорин А. Л. «Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века». Москва: Новое литературное обозрение, 2016. С. 13.

⁸ Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

проанализирован, имел опыт иных отношений с государством и его органами.

Феномен ведения дневника представляет собой один из вариантов «технологии себя»⁹, посредством которой субъект осуществляет процесс узнавания и преобразования себя. Письмо в таком случае является способом воздействия на себя¹⁰, использует перформативные возможности языка, представая перед собой в рамках понятия истины, которая достигается через подобные практики. В то же время пространство дневника было одним из возможных «эмоциональных убежищ», в которых субъект выражал свои интимные мысли не только о себе, но и о фигуре власти.

Начать непосредственное обращение к фигуре Булгакова стоит с конечной точки данной истории — момента попадания его дневника в руки ОГПУ, а также ситуации особого внимания и интереса к писателю со стороны органов государственной безопасности. Агентурные сводки о наблюдении за Булгаковым вкупе с протоколом допроса в ОГПУ дают понять причину возникшего интереса к писателю, которая, безусловно, главным образом лежит в области политического, через которое, однако, просвечивается внимание властей к способу использования языка тех, кто посредством него мог влиять на восприятие окружающей реальности массового читателя. Подобный пример является иллюстрацией того, как срабатывает связка власти и знания¹¹, предложенная М. Фуко. Тотальность проникновений властных отношений в различные социальные структуры, контроль за отношением индивидов как себе, так и между собой. В данном случае, как и в приведенном ранее примере, касающегося личного дневника, власть выступает в сходной манере, стремясь установить собственную концепцию истины: «Нет власти без рационального использования дискурса об истине, который проявляется во власти, исходит от власти и действует посредством нее»¹².

Сотрудник ОГПУ становится в подобном случае литературным критиком и теоретиком, производя знание близкое к филологическому, определяя «правильные» отношения между

---

⁹ Фуко М. Технологии себя // Логос, 2008. № 2 (65). С. 96-122.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ «<...> власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти». Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 32.

¹² Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 43.

автором и читателем, сюжеты для художественного произведения. Первым объектом внимания сотрудника органа государственной безопасности стала повесть Булгакова «Собачье сердце», по поводу которой он делает важное для себя замечание: «При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах <...>»¹³. Очевидно, что для сотрудника ОГПУ является ложным и неприемлемым критика всего, что связано с государством, социалистическом проектом, поэтому для него важно отметить и обличить лукавство, содержащееся в тексте. Необходимый режим истинности согласно мысли сотрудника политического управления, является достижимым через цензурные ограничения. Будучи готовым выступить экспертом, он выделяет и других находящихся под подозрением субъектов: «Таким образом, эта книжка угодит и злорадному обывателю, и легкомысленной дамочке, и сладко пощекочет нервы просто развратному старичку. Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это — Главлит, и, если мое мнение не расходится с его, то эта книга не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга /И ее часть/ уже прочитана аудиторией в 48 человек, из которых 90% — писатели сами <...> она уже заразила писательские умы слушателей и обострит их перья»¹⁴. Помимо рассуждений о необходимости установления цензурного контроля им высказывается мысль, говорящая о важности фигуры писателя для государства, однако она срабатывает в противоположных для фигуры автора направлениях. Его возможность влиять словом на систему взглядов людей переводит писателя в ранг близкий к сакральному, помещая его вплотную к значениям, смыслам запретным для обывателя¹⁵. В данном случае мы

---

¹³ «1) У профессора 7 комнат. Он живет в рабочем доме. Приходит к нему депутация от рабочих, с просьбой отдать им 2 комнаты, т.к. дом переполнен. Затем подходит к телефону и по № 107 заявляет какому-то очень влиятельному совработнику "Виталию Власьевичу" (?), что операции он ему делать не будет "прекращает практику вообще и уезжает навсегда в Батум, т.к. к нему пришли вооруженные револьверами рабочие (а этого на самом деле нет) и заставляет его спать на кухне, а операции делать в уборной... Виталий Власьевич успокаивает его, обещая дать "крепкую" бумажку, после чего его никто трогать не будет". Профессор торжествует. Рабочая делегация остается с носом. <...> "Так значит Вы не любите пролетариат?" "Да" — сознается профессор "я не люблю пролетариат". Цит. по: Агентурно-осведомительные сводки, агентурные записки, информационные сведения секретного и информационного отделов ОГПУ о М.А. Булгакове // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 27. Л. 1.

¹⁴ Агентурно-осведомительные сводки, агентурные записки, информационные сведения секретного и информационного отделов ОГПУ о М.А. Булгакове // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 27. Л. 2.

¹⁵ «Его функция в социуме в чем-то соотносима с той, которую Клод Леви-Стросс приписывал Колдуну, — с функцией дополнительности, ибо и колдун, и

видим ситуацию схожую с той, что представляет М. Фуко, в которой интеллеktуал оказывается под подозрением со стороны властей, оказываясь проповедником социалистических идей среди буржуазного общества¹⁶. Булгаков, оказавшийся в глазах властей критиком советского проекта, в свою очередь, предстает опасным буржуазным интеллеktуалом: «Желательно выявить физиономию писателя М. Булгакова, автора-сборника "Дьяволиада", где повесть "Роковые яйца" обнаруживает его, как типичного идеолога современной злопыхательствующей буржуазии»¹⁷.

Закончить сюжет о слежке и сборе информации о Булгакове стоит возвращением к истории о сотруднике ОГПУ, примерившим на себя роль интеллеktуала, вступающего в диспут с инакомыслящими писателями на их поле, используя их язык: «Нигде, кажется, как на этом вечере не выявилась во всей своей громаде та пропасть, которая лежит между старым и новым писателем, старым и новым критиком и даже между старым буржуазным читателем и новым, советским читателем, который ждет прихода "своего писателя" <...> Ничего не понял и не уразумел "старый писатель" за 8 лет и по сейчас оставил для нового читателя чужим человеком. Этот диспут словно последняя судорога старого, умирающего писания, который не может и не сможет ничего написать для нового читателя. Отсюда внутренняя

интеллеktуал как бы концентрирует в себе болезнь, необходимую для завершения здорового общества». Цит. по: Барт Р. Писатели и пишущие. // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 141.

¹⁶ «По-моему, то, что для интеллеktуала занятие политикой было традиционно, обусловлено двумя вещами: его положением интеллеktуала в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства, в идеологии, которую оно производит или навязывает (когда он оказывается эксплуатируемым, ввергнутым в нищету, отверженным, «проклятым», обвиненным в подрывной деятельности, в имморализме и т. п.); и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывал определенную истину, находил политические отношения там, где их не замечали. Эти два вида политизации не были чужды друг другу, но они не обязательно совпадали. Существовал тип интеллеktуала «проклятого» и тип интеллеktуала-"социалиста". Эти два вида участия в политике в отдельные периоды насильственной реакции со стороны власти без труда совмещались — например, после 1848 года, после Коммуны, после 1940 года, — потому что интеллеktуалы оказывались отверженными, преследуемыми как раз в ту пору, когда «вещи» представляли во всей своей "истинности", в пору, когда нельзя было говорить, что король-то голый. И тогда интеллеktуал говорил истину тем, кто её ещё не видел, и от имени тех, кто не мог её сказать, и отсюда вся его совесть и красноречие». Цит. по: Фуко М. Интеллеktуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. Т.1. С. 68.

¹⁷ Агентурно-осведомительные сводки, агентурные записки, информационные сведения секретного и информационного отделов ОГПУ о М.А. Булгакове // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 27. Л.6.

неудовлетворённость и озлобленность на современность, отсюда скука, тоска и собачье нытье за невозможность жить и работать при современных условиях»¹⁸. Подобный вывод был вызван реакцией на слова Шкловского и Булгакова о бедности, искусственности «новой» литературы. В то же время замысел данного отзыва состоял в том, чтобы, изобличив слова «старых» писателей, проявить действительность событий, происходивших на диспуте. Представленные как центральные в «Известиях» и «Правде» речи пролетарских интеллектуалов Воронского и Лебедева-Полянского на самом деле были встречены неодобрительно, тогда как выступления Булгакова и Шкловского стали кульминацией диспута. Таким образом, мы увидели, ту субъектность, что была приписана Булгакову агентом органов государственной безопасности, переформатировавшим себя в рамках взаимодействий с интеллектуальным сообществом. Проникновение политического в литературу обращало внимание на писателей со стороны власти, которая по крайней мере в середине 1920-х еще не стремилась к тому, чтобы ликвидировать опасных интеллектуалов, но к тому, чтобы узнать их. При этом данный процесс сопровождался рассуждениями об истинности, ее трактовке и установлении. В связи с этим понятен интерес ОГПУ к найденному при обыске дневнику писателя, который представлял собой доступ к Булгакову, не защищённому литературным текстом.

В контексте нашего обращения к дневнику Булгакова интерес к политическому обусловлен его пересечением с главным сюжетом Булгаковского дневника — литературным творчеством. Другой стороной политического является возможность проследить его функционирование в качестве «эмоционального убежища».

Дневник Булгакова открывается для читателя с множества различных сторон, затрагивая при этом как внутреннюю сущность автора, так и окружающие его события. Стоит отметить про это, что периодически автор фиксирует паузы в записях, в связи с чем личная жизнь Булгакова, как и внешняя реальность могут время от времени приостанавливаться, но затем оживать и набирать стремительный ритм.

Обращаясь непосредственно к дневнику, мы могли бы отметить, что главной эмоцией дневника на протяжении 1922-23 гг. была растерянность Булгакова вкупе с ощущением расстроенности как быта, так и личных литературных замыслов, в числе которых начал вырисовываться будущий роман «Белая гвардия»: «Питаемся

---

¹⁸ Агентурно-осведомительные сводки, агентурные записки, информационные сведения секретного и информационного отделов ОГПУ о М.А. Булгакове // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 27. Л.7.

(с) женой плохо. От этого и писать не хочется <...> Вошел в бродячий коллектив актеров: буду играть на окраинах. Плата 125 за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда. Заколдованный круг»¹⁹. Данные записи, сделанные 25-26 января 1922 г. вписываются в общее настроение Булгакова, зафиксированное им в первые два месяца указанного года: «Идет самый черный период моей жизни»²⁰.

В этот же период времени дневник приобретает черты места, в котором записывается то, что небезопасно или несвоевременно высказать: «("...")жении республики в пожарном отношении в катастрофическом положении("). Да в каком отношении оно не в катастрофическом? Если не будет в Генуе конференции, спрашивается, что мы будем делать?»²¹.

Оканчивается данный промежуток времени появлением у Булгакова надежды относительно места в газете «Рабочий», обозначающее его приоритеты: возможность работы в государственном издательстве, которая может хоть в какой-то степени обеспечить существование, вытесняет литературные потенции, артикулируемые им ранее. М. О. Чудакова отмечает, что сотрудничество с государственной структурой имело альтернативу в виде отсутствия любой возможности для заработка²².

Москву этого периода времени Булгаков вспоминает в сборнике рассказов «Москва 20-х годов»: «Не из прекрасного далека я изучал Москву 1921-1924 годов. О, нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек. Я поднимался почти во все шестые этажи, в каких только помещались учреждения, а так как не было положительно ни одного 6-го этажа, в котором не было бы учреждения, то этажи знакомы мне все решительно»²³. Город предстает в данном случае как бюрократический организм, тогда как высотные здания представляют новый образ столицы, лишенный прежних ассоциаций, связанных с торговлей, средневековым городским пространством, сохранением старины, народной ментальности. Кажется, что внутреннее состояние Булгакова проецируется им на состояние города, концентрирующегося прежде всего на сохранении собственного существования.

---

¹⁹ Булгаков М. Под пятой. Мой дневник. М.: Правда, 1990. С. 5.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 6.

²² Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 203.

²³ Булгаков М. Москва 20-х годов // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 435.

Однако стоит отметить, что в неопубликованном фельетоне «Торговый ренессанс», отправленным Булгаковым своей сестре в Киев, он отмечает появление в Москве множества магазинов, невиданных для периода военного коммунизма товаров, имеющих, по словам Булгакова, фантастические цены. Точками притяжения стали улицы, которые были центрами торговли еще до 1917 г.: «Зашевелились Кузнецкий, Петровка, Неглинный, Лубянка, Мясницкая, Тверская, Арбат. Магазины стали расти как грибы, окропленные живым дождем нэпо... Государственные, кооперативные, артельные, частные... <...> До поздней ночи шевелится, покупает и продает, ест и пьет за столиками народ, живущий в не виданном еще никогда торгово-красном Китай-городе»²⁴. Представление столь оживленной жизни Москвы могло быть вызвано необходимостью заинтересовать потенциального издателя, однако в дальнейшем нарративы пришедшей после революции и гражданской войны цивилизации, наступления порядка будут одними из центральных в репортерских материалах Булгакова. В связи с этим данный текст выбран нами в качестве точки отчета, от которой мы прослеживаем взгляд Булгакова на городское пространство столицы. Возвращаясь к тексту фельетона, необходимо отметить местоположения, противопоставленные окраинным районам, другим территориям государства. Подобные контрместоположения представляли, по мысли М. Фуко²⁵, реализованные утопии. Определенные французским философом в качестве гетеротопий подобные пространства подразумевают собственную систему открытости/замкнутости, режим упорядоченности, темпоральности. В исследовательском поле использование данного концепта в качестве аналитического инструмента не является распространенным явлением, однако Р. Николози в своей работе²⁶ затрагивает проблему функционирования гетеротопий вырождения внутри городского пространства, определенных М. Фуко в качестве пространств девиации. В нашем случае ситуация иная: Булгаков описывает совершенные пространства, которые по-настоящему открыты лишь для небольшого количества человек: «Выставки гастрономических магазинов поражают своей роскошью. В них горы коробок с консервами, черная

---

²⁴ Булгаков М. Торговый ренессанс // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 218.

²⁵ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191-204.

²⁶ Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

икра, семга, балык, копченая рыба, апельсины. И всегда у окон этих магазинов как зачарованные стоят прохожие и смотрят, не отрываясь на деликатесы...»²⁷. Подобные местоположения, выполняющие в том числе компенсаторные функции, показывают противоположную сторону жизни города и государства. Обратившись к другим текстам Булгакова мы увидим, что подобные феномены передают ощущение наступающего порядка.

С мая по август 1923 г., с большими перерывами, Булгаков периодически обращается к дневнику. За данный период времени, как отмечает автор, в Москве происходят события государственного масштаба: дипломатическое столкновение с Великобританией, освобождение патриарха Тихона. Первое событие отражено в репортаже Булгакова под названием «Бенефис лорда Керзона», в котором для нас интерес представляет пространство города. Центральные улицы Москвы поочерёдно превращаются в место проведения рабочей демонстрации. Являясь ограниченным по времени события, демонстрация трансформирует различные местоположения, противопоставляя их тем, что накапливают время: «В два часа дня Тверскую уже нельзя было пересечь. Непрерывным потоком, сколько хватал глаз, катилась медленно людская лента, а над ней шел лес плакатов и знамен <...> На Страстной площади навстречу покатылся второй поток. Шли красноармейцы рядами без оружия <...> В Охотном во всю ширину шли бесконечные ряды, и видно было, что Театральная площадь залита народом сплошь. У Иверской трепетно и тревожно колыхались огоньки на свечках и припадали к иконе с тяжкими вздохами четыре старушки, а мимо Иверской через оба пролета Вознесенских ворот бурно сыпали ряды <...> До Кузнецкого было свободно, но на Кузнецком опять засверкали красные пятна и посыпались ряды. Рахмановским переулком на Петровку, оттуда на бульварное кольцо, по которому один за другим шли трамваи»²⁸. Особенно ясно контраст проявляется относительно репрезентации темпорального режима Иверской часовни относительно того, как используется данное местоположение другими субъектами.

Дневник в отличие от фельетонов позволяет Булгакову выразить собственное отношение к происходящим событиям: «Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно. Правительство пошло на самые унижительные уступки, вплоть до уплаты денежной компенсации за расстрел двух английских

---

²⁷ Булгаков М. Торговый ренессанс // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 218.

²⁸ Булгаков М. Бенефис лорда Керзона // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 296-298.

подданных, которых сов. Агенты упорно называют шпионами»²⁹. В неполитической части записей писателя главным становится вопрос о романе, написание которого не продвигалось из-за необходимости писать тексты для газет. Замкнутый круг, о котором Булгаков писал в 1922 г., продолжался уже год, причиной же выступала работа, вызывавшая надежду в самое трудное время: «Роман из-за "Г", отнимающей лучшую часть дня почти не продвигается <...> Месяцами я теперь не берусь за дневник и пропускаю важные события <...> "Гудок" изводит, не дает писать»³⁰. Другой важной фигурой, появляющейся в этот момент в дневнике Булгакова, становится вернувшийся из Берлина Алексей Толстой. Его образ не был статичным, преодолев путь от первоначального неприятия поведения Толстого, до признания его точных формулировок относительно литературы, обсуждения вопроса об основании школы. При этом упоминание Толстого в дневнике соседствует с перформативным высказываниями Булгакова о себе в качестве писателя: «И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль и верно, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю»³¹. Осенью 1923 г. лейтмотивом дневника Булгакова продолжает быть вопрос о себе как писателе, прослеживание собственного прогресса, выражение неуверенности в способности точно облечь в слова собственные ощущения. В записи, сделанной 26-го октября, мы также наблюдаем высказывания Булгакова близкие по своему характеру к перформативным, касающиеся профессионального выбора, а также отношения к окружающей его политической обстановке: «Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого. Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей отражающимися в произведениях в произведениях, трудно печататься и жить»³².

Мы ранее уже говорили о том, что пространство дневника является одним из видов эмоционального убежища, в котором субъект может устанавливать собственные эмоциональные нормы, производить высказывания, в меньшей степени поддающиеся контролю со стороны господствующего эмоционального режима. В

---

²⁹ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 5.

³⁰ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 8-9.

³¹ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 11.

³² М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 35.

связи с этим нам важно представить «взгляды», на которые указывает Булгаков, тем более что со второй половины 1923 г. в дневнике появляется большее количество записей об отношении автора к окружающим его людям, событиям, предоставляя возможность сопоставить его с текстами, опубликованными в государственных изданиях. Подозрения по отношению к Булгакову, выраженные сложностями с публикацией, дальнейшей слежкой со стороны сотрудника ОГПУ, связывавшиеся с отсутствием симпатий к коммунистическому проекту, создавали условия для возникновения механизма субъективации в виде обмена актов между фигурами власти и субъекта. Необходимо отметить, что подобные действия предполагают некоторые перформативные манифестации. В случае Булгакова подобные взаимоотношения с властью вызывают попытки установления тотального контроля над способами обретения субъектности, так с практики сопротивления³³ в рамках пространства дневника.

Осенью 1923 г., в связи с тем как газеты «Известия» и «Правда» преподносили европейские события, Булгаков откликается комментариями как по поводу упомянутых изданий³⁴, так и процессов³⁵, которые они описывают на своих страницах. В записи,

---

³³ «<...> не существует одного какого-то места великого Отказа — души восстания, очага всех мятежей или чистого закона революционера. Напротив, существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай: сопротивления возможные, необходимые, невероятные; другие — спонтанные, дикие, одинокие, согласованные, неистовые, насильственные; но и другие — готовые к соглашению, корыстные или жертвенные; по определению они могут существовать лишь в стратегическом поле отношений власти. Это не значит, однако, что они представляют собой только рикошет, оттиск, образуя по отношению к основному господству в конечном счете всегда только его пассивную изнанку, обреченную на бесконечное поражение». Цит. по: Фуко М. Воля к знанию // История сексуальности. Т. 1. Москва: Рефл-бук, 1998. С. 196.

³⁴ «В "Правде" и других органах начинается бряцание оружием по поводу Германии (хотя там и нет, по-видимому, надежд на революцию, т. к. штреземановское правительство сговаривается с французским) <...> Ничего подобного нашему в Германии никогда не будет. Это общее мнение. Л., приехавший из Берлина, по словам Сок. М., которого я видел сегодня в "Накануне", утверждает, что в "Изв." и "Пр." брехня насчет Германии. Это несомненно так». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 17, 37.

³⁵ Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма <...> О, конечно, не может быть и речи о том, чтобы это был коммунизм нашего типа, тем не менее в саксонском правительстве три министра-коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер <...> В голове умелого то же, что и у всех — себе на уме, прекрасно понимает, что б. жулики на войну

сделанной 18 октября 1923 г. Булгаков заявляет о важности дневника, соседствуя с рассуждением писателя о наступлении ключевого момента в противостоянии европейских политических режимов, желании запечатлеть себя на фоне этих событий, проследить собственный путь в литературе, который, кажется, по Булгакову, был ему предначертан: «Сегодня берусь за мой дневник с сознанием того, что он важен и нужен»³⁶.

Упомянутая ранее критика Булгаковым растраты собственного времени на работу в газете «Гудок», переносится им на журнал «Накануне»: «Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне». Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени». В этом случае литература снова пересекается с политическим, однако неприятная для Булгакова связь «Накануне» с государством компенсируется возможностью печататься, утвердить себя в качестве писателя, так как вариантов для осуществления данной цели внутри страны было не много. Один из возможных вариантов — «писать в стол», но для Булгакова было важно публиковаться, в первую очередь, для получения обратной реакции³⁷, так как, по его же словам, самостоятельно определить, достаточно хорошо ли написан текст было тяжело. Другой стороной подобной профессиональной траектории было то, что сам Булгаков не видел себя «героем»³⁸,

---

идти не хотят, о международном положении никакого понятия. Дикий мы, темный, несчастный народ». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 19, 24, 36-37.

³⁶ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 23.

³⁷ «Сегодня вечером были Л., Ст. и Гайд. приглашали сотрудничать в журнале "Город и деревня". Потом Андрей. Он читал мою "Дьяволиаду". Говорил, что у меня новый жанр и редкая стремительная фабула». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 42.

³⁸ «Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный — рожденный ползать, — и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду. Никто кормить меня не желал. Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения. Закутавшись в мандаты, как в простыни, они великолепно пережили голод, холод, нашествие "чижиков", трудгужналог и т. под. напасти. Сердца их стали черствы, как булки, продававшиеся тогда под часами на углу Садовой и Тверской. К героям нечего было и идти. Герои были сами голы, как соколы, и питались какими-то инструкциями и желтой крупой, в которой попадались небольшие красивые камушки вроде аметистов. Я оказался как раз посередине обеих групп, и совершенно ясно и просто предо мною лег

описанным им в своем дневнике и фельетоне «Сорок сороков», опубликованном также в 1923 г. Отсюда, с одной стороны — необходимость в денежных средствах, с другой, упование на подтверждение и осуществление³⁹ выбранного им пути писателя: «Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем»⁴⁰.

Образ Москвы, появившийся в фельетонах Булгакова за 1923 г., также периодически появлялся в его дневнике на протяжении данного периода времени. Так, 18 октября Булгаков отмечает в своей записи возобновление 24 маршрута трамвая, проходящего, в частности по Остоженке, на одном из пересечений с которой, в Мансуровском переулке, располагался дом Топлениновых, ставший важным местоположением для писателя в Москве. Образ трамвая связывается Булгаковым с ускорением ритма жизни столицы⁴¹, а также, как ее определяет Булгаков, «обыкновенной совпубликой»⁴². Другой немаловажной стороной данного вопроса является мысль Булгакова о том, что трамвай является пространством порядка: «Не входят, а "лезут". Штурмуют пустой вагон. Зачем? Что такое? Явление это уже изучено. Атавизм. Память о тех временах, когда не стояли, а висели. Когда ездили мешки с людьми. Теперь подите повисните! Попробуйте с пятипудовым мешком у Ярославского вокзала сунуться в вагон»⁴³. Подобная перемещающаяся по городу точка, вобравшая в себя черты, противопоставленные хаосу, неопределенности, представляет собой пространство цивилизации. Таким образом, город наполняется местоположениями, в которых

лотерейный билет с надписью — смерть. Увидев его, я словно проснулся. Я развил энергию, неслыханную, чудовищную. Я не погиб, несмотря на то что удары сыпались на меня градом, и при этом с двух сторон». Цит. по: Булгаков М. Сорок сороков // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 278-279.

³⁹ «Взволнован и тем, что доктор нашел у меня улучшение процесса. Помогите мне, Господи». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 40.

⁴⁰ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 45.

⁴¹ «Бог их знает, откуда они берутся, кто их чинит, но их становится все больше и больше. На 14 маршрутах уже скрежещут в Москве. Большею частью — ни стать, ни сесть, ни лечь. Бывает, впрочем, и просторно». Цит. по: Булгаков М. Москва красная // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 227.

⁴² Там же. С. 227.

⁴³ Там же. С. 228.

Булгаков наблюдает зачатки будущей жизни⁴⁴. Для нас также важно отметить, что, в первую очередь, идея наступающего порядка связывается автором с теми пространствами, которые, перемещаясь по городу, подчеркивают неустроенность других мест, но в тоже время переносят по нему, заложенный в них дисциплинарный режим. В этом отношении мы видим, как может меняться отношение Булгакова, как автора фельетона, издаваемого в просоветской газете, к представителям советской власти, так как осуществление отмеченного им порядка занимаются милиционеры, контроллеры, кондукторы: «Вон она какая история, товарищи берлинцы. А вы говорите «bolscheviki», «bolscheviki»! Люблю порядок»⁴⁵.

Помимо появляющейся в фельетонах Булгакова идеи пространства мы можем наблюдать в них, каким образом, автор сопоставляет различные социальные типы и образ время, который они олицетворяют. В выделенных нами фельетонах «Москва краснокаменная», «Столица в блокноте», «Сорок сороков» Булгаков представляет перед читателем картины, так или иначе передающие образ времени. При этом автор соотносит себя с настоящим, то есть тем окружающим миром, который еще далек совершенства, но уже и не похож на тот, что предшествовал нэпу. Поэтому можно предположить, что себя Булгаков соотносит с типом, который он называет «мыслящей интеллигенцией»⁴⁶, ведь еще на страницах своего дневника он отмечал, что частым явлением стало ношение обуви и одежды как не соответствующего размера, так и сезона⁴⁷. Центральной фигур начала 1920-х стала фигура нэпмана, придавшая иной темп жизни столицы: появление множества магазинов, трактиров, рекламы, показов кино: «То с портфелями едут, то в шлемах краснозвездных, а то вдруг подпрыгнет на кожаных подушках дама в палантине, в стомиллионной шляпе с Кузнецкого. А

---

⁴⁴ Из хаоса каким-то образом рождается порядок. Некоторые об этом узнают из газет со значительным опозданием, а некоторые по горькому опыту на месте и в процессе создания этого порядка <...> Москва — котел, — в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет». Цит. по: Булгаков М. Столица в блокноте // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 261, 264.

⁴⁵ Там же. С. 260.

⁴⁶ Булгаков М. Столица в блокноте // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 250.

⁴⁷ «Ах да, за границей, вероятно, неизвестно, что в Москве существует целый класс, считающий модным ходить зимой в осеннем. К этому классу принадлежит так называемая мыслящая интеллигенция и интеллигенция будущая: рабфаки и проч. Эти последние, впрочем, даже и не в пальто, а в каких-то кургуzych куртках». Цит. по : Там же. С. 250.

рядом, конечно, выгоревший околыш. Нувориш. Нэпман»⁴⁸. Отмеченный писателем как феерический город контрастов, совмещающий в себе тех, кто занят прежде всего выживанием с теми, кто потребляет всевозможные товары из магазина, именовавшегося ранее «Елисейский»: «Впрочем, кто все время ел, тому непонятно. Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются...»⁴⁹. В тоже время Булгаков представляет читателю образы, содержащие приметы прошлого и будущего. К первому он относит извозчиков и безграмотных граждан, в частности своего соседа по «нехорошей» квартире, которого он описывает для берлинского читателя фельетона «Столица в блокноте», опубликованного в газете «Накануне». Данные социальные типы, согласно данным текстам, являются главным препятствием к установлению необходимого порядка. Другой стороной мысли автора является то, что он не видит себя в том «рае», о котором пишет в «Грядущих перспективах», «Столице в блокноте». Помимо указанных нами ранее пространств «порядка», Булгаков представляет серию образов⁵⁰, несущих в себе черты будущего. Одним из них стала постановка «Великодушного рогоносца» Мейерхольда, которая осталась для автора непонятной. В разговоре с футуристом он обнаружил, что объяснение данному феномену двояко, либо автор опоздал родиться, либо Мейерхольд поспешил.

Таким образом, в текстах Булгакова за 1922-23 гг. пространство города предстает перед читателем в контексте различных образов, пространств, содержащих в себе приметы, связанные с социокультурной ситуацией, наблюдаемой Булгаковым в Москве.

Записи, сделанные Булгаковым в 1924 г. продолжают ранее начатые им сюжеты, попавшие в наше поле зрения. Так, помимо упоминания ситуации, произошедшей с Троцким⁵¹, автор дневника в

---

⁴⁸ Булгаков М. Москва краснокаменная // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 227.

⁴⁹ Булгаков М. Москва краснокаменная // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 229.

⁵⁰ Нет, граждане. Этот единственный, впервые встретившийся мне мальчик шел, степенно покачиваясь и не спеша, в прекрасной уютной шапке с наушниками, и на лице у него были написаны все добродетели, какие только могут быть у мальчика 11 — 12 лет. Нет, не мальчик это был. Это был чистой воды херувим в теплых перчатках и валенках. Цит. по: Булгаков М. Столица в блокноте // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 254.

⁵¹ Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались.

форме близкой к фельетону описывает Московские события, а также собственные переживания по поводу литературной деятельности. Первый из отмеченных нами сюжетов близок к более ранним по времени фельетонам в том числе и по содержанию. В них Булгаков отмечает как приметы прогресса, так и то, что в дневнике он определяет в качестве «гангрены»⁵². Необходимо указать на то, что советская повседневность в рамках дневниковых записей предстает в более негативном ключе, чем в написанных им фельетонах. Однако стоит отметить важный для Булгакова фактор движения, наблюдаемый им в городе. Ранее мы уже указывали на сюжеты о пространстве вокзала, трамвая, но в 1924 г. в дневнике писателя возникает образ автобуса, означающий появление нового фактора ускорения ритма городской жизни: «По Москве пошли автобусы. Маршрут: Тверская — Центр — Каланчевская. Пока их несколько штук. Очень хороши. Массивны и в то же время изящны. Окраска коричневая, а рамы (они застеклены) желтые. Одноэтажные, но огромные».

В тоже время мы можем говорить о том, что дневник Булгакова в 1924-25 гг. приобретает наиболее приближенный вид к тому, что возможно было бы определить как «эмоциональное убежище». Именно в этот период времени автор, приобретая через публикации, действительно, важных для себя текстов уверенность, описывает окружающую его реальность в более критических и сатирических тонах. Целями подобных высказываний стали как фигура пролетарского писателя, так и различные советские издательства⁵³, и если раньше Булгаков называл фантастическими

Троцкого съели, и больше ничего. Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 75.

⁵² «Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, «Водоканал» сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина — это попытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 81-83.

⁵³ «Тираж, оказывается, 70000 и весь расходится. В редакции сидит невероятная сволочь, входят, приходят; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации. На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы <...> Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера "Безбожника", был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее: ее можно

цены в Москве, то теперь в качестве фарса определялось все, что было так или иначе связано с идеей государства: «Эти «Никитинские субботники» — затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев»⁵⁴. Рассуждения автора о литературе вновь приводят его к пересечению этой важной части его жизни со сферой политического, мыслями о необходимости придерживаться определенного режима истинности в художественном повествовании⁵⁵. К этому добавляется периодически фигурирующее на страницах дневника упоминание о цензуре, а также мыслях Булгакова о том, что необходимо быть аккуратнее и меньше не только говорить о политике, но и писать⁵⁶. Подобные подозрения и расстройства, связанные с окружавшей писателя повседневностью, необходимостью писать фельетоны, сочетаются с возросшей уверенностью писателя насчет собственной правоты относительно взгляда на литературу. Так, критика советских изданий совмещается с негативными оценками по отношению к сменовеховству и зарубежной прокоммунистической газете «Накануне»⁵⁷. Другим важным изменением, которое отмечает Булгаков является улучшение самочувствия, характерное как для

доказать документально — Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 121-124.

⁵⁴ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 106-107.

⁵⁵ «Только что вернулся с вечера у Ангарского — редактора "Недр". Было одно, что теперь всюду: разговоры о цензуре, нападки на нее, "разговоры о писательской правде" и "лжи". Был Вересаев, Козырев, Никандров, Кириллов, Зайцев (П. Н.), Ляшко и Львов-Рогачевский. Я не удержался, чтобы несколько раз не встрять с речью о том, что в нынешнее время работать трудно, с нападками на цензуру и прочим, чего вообще говорить не следует. Ляшко, пролетарский писатель, чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт), возражал мне с худо скрытым раздражением: — Я не понимаю, о какой "правде" говорит т. Булгаков? Почему всю кривизну нужно изображать? Нужно давать "чересполосицу" и т. д. Когда же я говорил о том, что нынешняя эпоха — это эпоха сведения счетов — он сказал с ненавистью: — Чепуху вы говорите... Не успел ничего ответить на эту семейную фразу, потому что вставали в этот момент из-за стола. От хамов нет спасения». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 99-100.

⁵⁶ «Не нужно говорить о политике ни в коем случае». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 90.

⁵⁷ «Литература, на худой конец, может быть даже коммунистической, но она не будет садыкерско-сменовеховской. Веселые берлинские бляди. Тем не менее, однако, боюсь, как бы "Б. Г." не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером, на "Зел. Лампе" Ауслендер сказал, что в чтении... и поморщился. А мне нравится, черт его знает, почему». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 113-114.

ментального, так и физического состояния, что, по словам писателя, позволило ему прописать план по одной из стратегий «заботы о себе»: «Сейчас я работаю совершенно здоровым, и это чудесное состояние, которое для других нормально, увы — для меня сделалось роскошью, это потому, что я развинтился несколько. Но, в основном, главное я выздоравливаю, и силы, хотя и медленно, возвращаются ко мне <...> Записи о своем здоровье веду с единственной целью: впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное»⁵⁸. Помимо указанных изменений во внутреннем состоянии Булгаков отмечает позитивную динамику относительно внешних условий существования. Применительно к пространству города автор указывает на несколько мест, вызывающий у него особые эмоции: Кремль, Кузнецкий мост, Остоженка, Пречистенка. На протяжении всего дневника у Булгакова возникают топосы, которые оказываются как бы вне времени, не затронутыми современными для автора событиями⁵⁹.

Другой внешней проблемой стали квартирный или бытовой вопрос, отмечаемый в исследовательском поле как один из главных для СССР 1920-х, который не обошел и Булгакова. Различные проекты по устройству общественных пространств, в частности домов-коммун, сосуществовали с практиками уплотнения, создания множества коммунальных квартир. В одной из них, по адресу Садовая улица д. 10 кв. 50, Булгаков проживал на протяжении несколько лет, попутно отмечая в своих текстах как проживающих рядом с ним людей, так и бедственное состояние жилого фонда, которое он наблюдал в Москве. Переезд на новый адрес писатель воспринял положительно, что указывает приведенные нами ранее заметки Булгакова о своем здоровье, но также выраженное им ощущение обретения персонального пространства, изменившее возможные стратегии выстраивания частной жизни: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности и 16-й год и начало 17-го. Живу я в какой-то совершенно неестественной хибарке, но как это ни странно, сейчас

---

⁵⁸ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 98-99.

⁵⁹ «<...> побрившись в парикмахерской на моей любимой Пречистенке, я поехал к моей постоянной зубной врачихе, Зинушке <...> Пока к ней дополз, был четвертый час дня. Москва потемнела, загорелись огни. Из окон у нее виден Страстной монастырь и огненные часы. Великий город — Москва. Моей нежной и единственной любви, Кремля, я сегодня не видал. И вот по Кузнецкому мосту шел, как десятки раз за последние зимние дни, заходя в разные магазины». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 102-103.

я чувствую себя несколько более «определенно». Объясняется это...»⁶⁰.

В заключении данной статьи мы обратимся к допросу Булгакова в ОГПУ, который представляет собой сборку высказываний, резюмирующих отношения писателя с властью, выбранные им режим использования языка, профессиональную траекторию. Протокол допроса, представляющий анкету из 13 пунктов, содержал в себе вопрос о политических убеждениях, в рамках ответа на который Булгаков производит себя как писателя, осознанно оставшегося в Советской России для того, чтобы наблюдать за происходящими в ней процессами изнутри. Однако данная позиция, по мысли Булгакова, подразумевает критическое отношение к окружающей действительности, а не выборочное изображение того, что устроило бы органы цензуры: «Связавшись слишком крепкими корнями со строящейся Советской Россией, не представляю себе, как бы я мог существовать в качестве писателя вне ее. Советский строй считаю исключительно прочным. Вижу много недостатков в современном быту и благодаря складу моего ума отношусь к ним сатирически и так и изображаю их в своих произведениях»⁶¹. В своих показаниях Булгаков также указывает на присутствие политического подтекста в тексте повести «Собачье сердце», который к тому же, по словам писателя, не может быть допущен к печати цензурой в современной для автора ситуации⁶². Главная проблема в отношениях Булгакова-писателя и власти, описывается им в рамках высказывания о том, что ему не слишком знаком и интересен быт крестьян и рабочих, тогда как главным социальным типом, по его мнению, является интеллигенция, испытывающая, как мы могли заметить в фельетоне «Столица в блокноте», на себе влияния от перемен, происходящих в государстве и обществе: «Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги»⁶³.

---

⁶⁰ М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 83.

⁶¹ Протокол допроса М.А. Булгакова в ОГПУ. Ксерокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 21. Л. 2.

⁶² «"Повесть о собачьем сердце" не напечатана по цензурным соображениям. Считаю, что произведение «Повесть о собачьем сердце» вышло гораздо более зlostным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны». Цит. по: Протокол допроса М.А. Булгакова в ОГПУ. Ксерокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 21. Л. 3.

⁶³ Показания М.А. Булгакова на допросе в ОГПУ // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 21. Л. 1.

Таким образом, субъектность Булгакова представляется двойственной, с одной стороны, через ряд перформативных высказываний он представляет себя как сатирика⁶⁴, фельетониста, с другой, выстраивает нарративы, образы, техники производства себя в качестве писателя крупной формы⁶⁵, существующего помимо рамок, установленных политического, эмоционального режимов. Безусловно, дневник Булгакова, как и созданные им в данный период времени тексты, содержат множество других сюжетов, заслуживающих внимания. Однако для нас первостепенной задачей было проследить, каким образом, Булгаков через выделенные нами письменные практики выстраивал стратегию «заботы о себе», существовавшую в контексте внешней реальности: пространства города и политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Барт Р. Писатели и пишущие. // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Зорин А.Л. «Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века». Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 356 с.
3. Житомирская С.В. Еще раз об архиве Булгакова //НЛО. 2003. № 5. С. 247 – 254.
4. Кириленко К.Н. Театральное наследие Булгакова в ЦГАЛИ СССР // Проблемы театрального наследия М.А. Булгакова: сб. научн. тр. – Л., 1987. С. 144 – 146.
5. Лурье Я.С. Рукописи М.А. Булгакова в Пушкинском Доме //Творчество Михаила Булгакова: Исследования, материалы, библиография. Кн. 1. Л., 1991. 457 с.
6. Мишуровская М.В. «Дни Турбиных» Булгакова в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. К истории первых изданий пьесы в СССР, в России и за рубежом // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 1. С. 90 – 97.

---

⁶⁴ «Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные явления жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик)». Цит. по: Показания М.А. Булгакова на допросе в ОГПУ // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 21. Л. 1.

⁶⁵ «Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос — беллетрист ли я?». Цит. по: М. А. Булгаков. «Под пятой». Дневник. Фотокопия // РГАЛИ. Ф. 2871. ОП. 3. Ед. хр. 2. Л. 101-102.

7. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
8. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
9. Пенская Е.Н. Театральные альбомы М.А. Булгакова в историко-культурном контексте //Русская литература. 2021. № 1. С. 178 – 190.
- 10.Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Т. 3. С. 191 – 204.
- 11.Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. 384 с.
- 12.Фуко М. Культура себя // История сексуальности, Т. 3. Забота о себе. Москва: Рефл-бук, 1998. 288 с.
- 13.Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 416 с.
- 14.Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
- 15.Фуко М. Технологии себя // Логос, 2008. № 2 (65). С. 96-122.
- 16.Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 492 с.
- 17.Яновская Л.М. Последняя книга, или Треугольник Воланда. – М.: ПРОЗАиК, 2013. 752 с.
- 18.Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

ИСТОЧНИКИ

Архивные

1. Портал «Автограф. XX век»/Сайт «Михаил Булгаков»/Дневники и связанные с ними материалы [Электронный ресурс] URL: <http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/digital-archive/dnevnik> Дата обращения: 31.10.2023 г.
2. Агентурные сводки о наблюдении за М.А. Булгаковым». 9 марта 1925 г. – 22.12. 1936 г. Фотокопия. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 27.

3. Булгаков М.А. Заявление в Наркомпрос с просьбой о возвращении ему дневника, изъятого при обыске ГПУ. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 22.
4. Булгаков М.А. Заявление в ОГПУ с просьбой вернуть ему повесть “Собачье сердце” и дневник, изъятые при обыске. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 18.
5. Булгаков М.А. «Под пятой». Дневник. 24 мая 1923 г. – 13 декабря 1925 г. Негатив. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 1.
6. Булгаков М.А. «Под пятой». Дневник. 24 мая 1923 г. – 13 декабря 1925 г. Машинопись. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 2.
7. Ордер ОГПУ на производство обыска у М.А. Булгакова и протокол обыска. Фотокопия. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 17.
8. Показания М.А. Булгакова на допросе в ОГПУ. 22 сентября 1926 г. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 20.
9. Протокол допроса М.А. Булгакова ОГПУ. 22 сентября 1926 г. РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Ед. хр. 22.

Опубликованные

10. Булгаков М. Бенефис лорда Керзона // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 296–298.
11. Булгаков М. Москва 20-х годов // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 435 – 445.
12. Булгаков М. Москва краснокаменная // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 226 – 230.
13. Булгаков М. Сорок сороков // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 278–279.
14. Булгаков М. Столица в блокноте // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 250 – 265.
15. Булгаков М. Торговый ренессанс // Собрание сочинений в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 216 – 218.